

Rocznik Slawistyczny, t. LXIX, 2020

ISSN 0080-3588

DOI: 10.24425/rslaw.2020.134712

Светлана М. Толстая *

Институт славяноведения РАН
Москва

Сложные слова и словосочетания: синтаксис и семантика

*Именное сложение – это микро-синтаксис.
Каждый тип сложных имен следует изучать
как трансформацию какого-либо типа
синтаксически свободного высказывания.*

Э. Бенвенист 1974: 241

Введение

Сложные слова и словосложение

Понятие «сложное слово» относится к морфемному составу слова и применяется к словам, имеющим в своем составе более чем одну лексическую основу. Иначе говоря, это статическое, описательное понятие. В отличие от этого словосложение – понятие, относящееся к динамическому представлению языка. Оно подразумевает словообразовательный акт объединения двух или более слов (точнее, их основ) в одно слово. Поскольку образованное

* Svetlana M. Tolstaya, Professor, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0002-4531-0024.

e-mail: smtolstaya@yandex.ru.

таким способом сложное слово может стать основой дальнейшей деривации, то его производные, будучи сложными словами, уже не имеют прямого отношения к акту словосложения. Например, слово *водопроводчик* является сложным словом, поскольку содержит два полнозначных лексических компонента (*вод-* и *провод-*), но при этом должно считаться не продуктом словосложения, а продуктом суффиксальной деривации от сложного слова *водопровод*. Сложные слова, независимо от их первичности или вторичности, изучаются традиционно в разделе словообразования, где предметом изучения становятся морфонологические (усечение основ, чередования, сдвиг ударения и т. п.), грамматические (именные, глагольные, местоименные и т. д. основы) и семантические отношения (подчинительные, сочинительные) между компонентами сложного слова. При этом отдельно рассматриваются сложные существительные, сложные прилагательные и т. д. В пределах каждой части речи сложные слова анализируются с точки зрения грамматических характеристик составляющих их основ, прежде всего их второго компонента («сложения с опорным компонентом, содержащим основу существительного», «сложения с опорным компонентом, содержащим глагольную основу» и т. п.). Этот описательный подход, реализованный в «Русской грамматике» (РГ-80), имеет дело, таким образом, с продуктами словосложения и дальнейшей деривации.

Принятая сугубо словообразовательная трактовка сложных слов не усматривает никаких семантических различий между первыми компонентами таких сложных слов, как *водопад*, *водопой*, *водоплавающий*, *водоросли*, *водолечение*, *водозащитный*, *водоканал* и т. п., между тем как в них этот одинаковый с точки зрения словообразования субстантивный компонент *водо-* имеет разные значения и по-разному соотносится со вторыми компонентами сложных слов (независимо от принадлежности целого сложного слова к той или иной части речи и от категориальной семантики – имя действия, деятеля, предмета, признака и т. п.): он может указывать на субъект действия (*водопад*, *водосток*), прямой объект действия (*водопой*, *водобоязнь*, *водопроводчик*), косвенный объект действия (*водозащитный*, *водоупорный*), локус действия (*водолаз*, *водоплавающий*, *водоросли*), «инструмент» действия (*водолечение*, *водокрестие*), может быть атрибутом (*водоканал*) и т.п.

Вместе с тем, в РГ постоянно присутствует понятие мотивации (мотивирующего слова), которое, однако, тоже понимается статически, как указание на так называемый опорный компонент сложного слова. Например, утверждается, что для слова *зубоврачебный* опорным словом служит прилагательное *врачебный* (в свою очередь мотивированное существительным *врач*), для слова *ранневесенний* – прилагательное *весенний*; для слова *разносторонний* – прилагательное *сторонний*, для *чистшерстяной* – прилагательное *шерстяной*, для *трёхсекционный* – прилагательное

секционный и т. п. (РГ 1: 319). При таком представлении семантика первых компонентов этих слов остается совершенно непроясненной в их отношении к опорному слову: как семантически соотнести *зубы* и *врачебный*, *три* и *секционный*, *ранний* и *весенний*? Ясно, что их связь лежит за пределами этих сложных слов, она продолжает вполне прозрачные синтаксические и семантические отношения реальных мотивирующих словосочетаний *зубной врач*, *три секции*, *ранняя весна*, от которых вполне стандартным способом образованы сложные прилагательные. В РГ, как и во многих специальных работах, посвященных сложным словам, совершенно неоправданно опорный компонент признается непосредственно мотивирующим; когда же этот компонент не представлен в словаре в качестве самостоятельного слова, конструируется «суффиксально-сложный тип прилагательных». Например, поскольку нет самостоятельного прилагательного *бережный* (от *берег*), а есть *береговой*, то в слове *левобережный* усматривается «сложный тип словосложения» (РГ 1: 322) (вероятно, предполагающий замену одного суффикса на другой), хотя при естественном понимании прилагательного *левобережный* – не как сложения *левый* и *береговой* с дальнейшим преобразованием, а как деривата от словосочетания *левый берег* – ничего сложного и нестандартного в таком слове не обнаруживается. Мы имеем здесь дело, таким образом, не со словосложением в буквальном смысле слова, а с конденсацией (адъективизацией) словосочетания. То же самое можно сказать о *чистошерстяной* (не от *чисто* + *шерстяной*, а от *чистая шерсть*), *односложный* (не от *один* + *слоговой*, а от *один слог*), *прошлогодний* (не от *прошлый* + *годовой*, а от *прошлый год*), *многодетный* (не от *много* + *детский*, а от *много детей*), *одноименный* (не от *один* + *именной*, а от *одно имя*) и т. п.

Сложные слова и словосочетания

Сложных слов в русском языке при ближайшем рассмотрении оказывается очень много, например, среди существительных женского рода 1-го склонения их не менее трети (согласно ГС); немало их и среди прилагательных, меньше среди наречий и очень мало среди глаголов. Почему вообще разные слова в языке стремятся слиться друг с другом в одно слово? Представляется, что здесь нет полного произвола или случайности. Соединяются друг с другом слова, составляющие более или менее устойчивые (или более или менее свободные) словосочетания¹. Несколько огрубляя, можно

¹ Тенденция к конденсации и универбизации словосочетаний, т. е. слиянию их в одно слово, проявляет себя не только в словосложении. Так, словосочетание *зачетная книжка* сливается в слово *зачётка*, *сгущенное молоко* – в *сгущенка*, *Публичная библиотека* – в *публичка*, *Манежная площадь* – в *Манежка*, *Нобелевская премия* > *Нобелевка*, *удалённая*

сказать, что за каждым сложным словом стоит словосочетание. Поэтому проблема сложных слов лежит не только в области словообразования, но и в области синтаксиса и семантики словосочетаний. Очень определенно высказывался в пользу такого подхода Э. Бенвенист:

Импульс, приведший к появлению сложных имен, исходил не из морфологии, в рамках которой он не диктовался никакой необходимостью; начальной точкой были синтаксические конструкции с их разновидностями предикации. Именно синтаксическая модель открывает возможность для появления морфологического сложного имени и производит его путем трансформации (Бенвенист 1974: 254–255).

Почти полтора века тому назад великий русский славист И.И. Срезневский опубликовал статью «Замечания об образовании слов из выражений» (Срезневский 1873), где впервые показал регулярность образования сложных слов из словосочетаний (он называл их выражениями). Он писал:

Слова, составленные из глагольных выражений, могут быть вообще разделены на два отдела: в одни преобразовались глаголы с приложением слов качественных: *красно баять – краснобай, скоро говорить – скороговорка, скоро спеть – скороспелый*; в других слились глаголы с существительными: *брать крохи – крохобор, валить сено – сеновал, валять сукно – сукновальня, лазить в воду – водолаз, летать зимою – зимолёт, родить зимою – зимород, мерить глазами – глазомер* (с. 7 отд. оттиска).

К сожалению, в дальнейшем этот подход в отечественной лингвистике не получил признания и продолжения. В.В. Виноградов скептически относился к попыткам некоторых ученых истолковать словосложение как словообразовательную операцию над словосочетаниями:

Образование слов при посредстве словосложения (основосложения), конечно, должно описываться с учетом связи и соотношения соединяемых слов: например, *скопидом, толтосум, вертопрах, щелкопер, теплоход* и т. д.; *жизнерадостный, морозостойкий, огнеупорный*. Однако анализ разных типов словосложения на основе прямой аналогии с соответствующим словосочетанием в составе предложения (например, *жизнерадостный* – ‘радующийся жизни’; *морозостойкий* – ‘стойкий по отношению к морозам’ и т. п.) неправомерен. Ведь в этом

работа > *удалёнка, купальный костюм* > *купальник* и т. п. А.А.Зализняк связывает эту тенденцию с экспрессивной функцией языка (Зализняк 2012). В конце концов и сокращение имени в формуле имени и отчества в разговорном языке типа у *Сан Саныча, с Борис Петровичем, к Николай Палычу* и т. п. представляет собой не что иное, как словосложение, при котором первый компонент словосочетания редуцируется и утрачивает собственные формы словоизменения.

случае игнорируются структурные различия между сложным словом и словосочетанием. Словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования, синтактико-морфологическим. Правила сочетания морфем в этом случае существенно осложняются: вопрос о соотношении основ, о порядке их сцепления, а также о структурно-грамматическом оформлении второй части выводит этот тип словообразования за рамки правил образования простых производных слов (Виноградов 1975: 208–209).

Были, однако, и сторонники «синтаксического» подхода: так, в работе В.П. Григорьева (1956) читаем: «Очевидно, причины различий в степени употребительности того или иного компонента сложного существительного следует искать не в морфологической аналогии, а в синтаксисе словосочетаний» (с. 44). К чему привел отказ от динамического подхода в пользу описательного и недооценка синтаксического аспекта словосложения, видно из примеров РГ, приведенных выше².

Сложение представляет собой по сути дела конденсацию – субстантивацию, или адъективизацию, или вообще универбизацию словосочетаний с помощью тех же формальных методов, которыми пользуется словообразование (плюс некоторые специфические приемы морфонологической редукции сочетающихся основ и их соединения с помощью коннекторов). Сложные слова сохраняют те же синтаксические и семантические отношения между своими членами, которые связывали компоненты словосочетаний, ставших основой сложения, причем эти свойства остаются таковыми не только в первичных сложениях, но и в дальнейших дериватах и в самых разных словообразовательных оформлениях, ср. одно и то же объектное значение *водо-* в *водоочистка*, *водоочиститель*, *водоочистной*, *водоочистительный* (< *очистить/очищать воду*). С другой стороны, эти же объектные отношения характеризуют и сложные слова, в которых *водо-* соединяется с другими предикатными основами: *водолюбивый*, *водорез*, *водоотвод*, *водовоз*, *водосвятие*, *водохранилище*, *водомерка*, *водораспылитель* и т. д. Поэтому число производящих словосочетаний значительно меньше числа производных от них сложных слов, а с другой стороны, за

² В работах сравнительно недавнего времени этот подход продолжает господствовать, например, в диссертации (Гудилова 2005), дающей очень подробное и тщательное формальное описание способов образования сложных слов в русском языке нового времени, прилагательное *остросюжетный* (с. 15) рассматривается как чистое «сращение» (наречие *остро* + прилагательное *сюжетный*), из чего следует, что исход первого члена *-о-* трактуется как финаль наречия, тогда как на самом деле это соединительный гласный, участвующий в объединении двух членов словосочетания *острый сюжет* (наречие в этом участия не принимает); точно так же в «сращении» *зерносеющий* первый компонент, вопреки автору, не является целым словом, а соединительная морфема *-о-* просто совпадает с флексией Им. п. ср. рода (ср. *травосеяние*, где такого совпадения нет).

одним сложным словом может стоять более чем один акт словосложения. Например, слово *электровозостроение* (< *строить электровозы*) представляет собой продукт соединения сложного слова *электровоз*, являющегося результатом сложения основ *электро-* (< *электрический*) и *-воз* (< *возить*), и глагольной основы *строй-* (< *строить*); иначе говоря, мы имеем дело с двухуровневой конструкцией сложения и дальнейшей деривацией: ((*электро+воз*)+*строй-*) (*ение*)).

Такому пониманию дела (зависимости словосложения от словосочетаний) мешают два обстоятельства, связанные с нечеткостью понятий *сложное слово* и *словосочетание* и размытостью границ между ними. Главным критерием отнесения двусоставной номинации к сложным словам считается ее так называемая цельнооформленность, при которой морфологические характеристики слова принадлежат одному из составляющих (как правило, второму). Если же морфологическое оформление получают оба компонента составной номинации, то такие единицы считаются не сложными словами, а словосочетаниями. Между тем этот критерий не является абсолютным. Существуют такие составные номинации, которые колеблются в своем статусе и соответственно оформляются по-разному (ср. *Москва-река*, в *Москве-реке*, но разговорное *в Москва-реке*; *члены-корреспонденты* и *член-корреспонденты*). Кроме того, нередко к сложным словам причисляются и такие составные номинации, в которых морфологически оформляются оба компонента. Так, в «Грамматическом словаре русского языка» (ГС) на правах отдельных лексических единиц (слов) включены *баба-яга*, *кресло-кровать*, *житьё-бытьё*, *казаки-разбойники*, *лук-порей* и др., не удовлетворяющие принципу цельнооформленности, но соответствующие другому, синтаксическому, критерию отдельного слова – единому «внешнему» согласованию (ср. *на новом диване-кроватьи*). Не относятся к сложным словам и конструкции с приложением типа *сестра-хозяйка*, *студент-отличник*, которые считаются аппозитивными словосочетаниями (Молошная 1973; Журавлев 1982: 85).

Вторая трудность связана с тем, что среди сложных слов есть такие, компоненты которых связаны не подчинительной, а сочинительной связью, а такие комбинации слов не признаются словосочетаниями (РГ 2: 6), см. также (Санников 2008). Например, из конструкции однородных определений *белый, синий, красный* (не являющейся по принятым понятиям словосочетанием) при их универбизации получается сложное прилагательное *бело-синекрасный* (скажем, *российский флаг*) с явно сочинительной связью; из конструкции *лес и степь* получается сложное слово *лесостепь*, из *хлеб и соль* или *хлеб с солью* получается *хлеб-соль* и т. п. Не считаются словосочетаниями и однородные члены предложения, соподчиненные одному слову, например, *длинный серый* (дом), *красивая соломенная* (шляпа) и т. п. Из таких конструкций с однородными, но разноаспектными определениями

(Иорданская 2000), как правило, сложных слов не возникает, но все же примеры такого рода можно найти: ср. пушкинское «тяжелозвонкое скаканье по потрясенной мостовой» («Медный всадник»), где *тяжелый* и *звонкий* относятся к разным аспектам определения.

Еще одна проблема состоит в том, что одно и то же сложное слово может быть признано результатом конденсации разных словосочетаний. Например, *зерносклад* может быть соотнесен с несколькими словосочетаниями: 1) *складывать зерно*; 2) *склад зерна*; 3) *зерновой склад*, соответственно этому для компонента *зерно-* будут постулированы разные семантико-синтаксические функции: 1) прямой объект действия (ср. *складывать зерно*); 2) содержание контейнера (ср. *склад мебели*); 3) атрибутив (ср. *продуктовый склад*). Слово *быстродействие* в принципе может быть дериватом как словосочетания *быстро действовать*, так и словосочетания *быстрое действие*, *свободомысле* – соотноситься как со словосочетанием *свобода мысли*, так и со словосочетанием *свободно мыслить* и т. п.

После этих общих замечаний рассмотрим основные типы сложных слов, группируя их в соответствии с синтактико-семантическими типами словосочетаний, лежащих в их основе. Эти типы выделяются исходя из характера главного, управляющего (синтаксически независимого) члена словосочетаний: глагола, существительного, прилагательного или числительного.

1. Сложные слова, производные от предикативных словосочетаний (управляющий член – глагол)

Словосочетания с глаголом составляют наиболее разнообразный источник словосложения в соответствии с тем, что предикат (глагол) имеет наиболее сложную актантную структуру. В качестве зависимого члена в этих сочетаниях (и соответственно – первого члена сложных слов) могут выступать существительные (S), прилагательные (A), наречия (Adv), местоимения (Pron).

1.1. S+V (сочетания глагола с существительным). При трансформации таких сочетаний в сложное слово субстантивный компонент, как правило, занимает первую позицию и репрезентирует разные актанты глагола.

1.1.1. S-Sub (субъект). Сложные слова, в которых субстантивный компонент выступает в качестве субъекта действия, процесса или состояния, могут быть соотнесены как с прямыми предикативными конструкциями³, так

³ Комбинация глагола с подлежащим не признается в РГ словосочетанием: «В систему подчинительных связей глагола не входит его связь с подлежащим; при этой связи реа-

и с производными от них именными словосочетаниями; в обоих случаях сохраняется присущая словосочетанию синтаксическая связь и субъектное значение первого члена: *сердцебиение* (*сердце бьётся* и *биение сердца*), *водоотлив* (*вода отливает* и *отлив воды*), *слюноотделение* (*слюна отделяется* и *отделение слюны*), *солнцестояние* (*солнце стоит* и *стояние солнца*) и т. д. Примеры с субъектным значением субстантивного компонента (везде указываются глагольные конструкции): *листопад* (листья падают), *ледоход* (лед идет), *землетрясение* (земля трясется), *дымоход* (дым (про)ходит), *бурелом* (буря ломит), *буревал* (буря валит), *травостой* (трава стоит), *солнцепёк* (солнце печёт), *водопад* (вода падает), *сердцебиение* (сердце бьётся), *кораблекрушение* (корабль терпит крушение; крушение корабля), *червоточина* (червь точит), *сердоболющий* (сердце болит), *слезотечение* (слезы текут), *червобойна* (червь бьет), *водомоина* (вода моет), *ледостав* (лед стаёт), *водоотлив* (вода отливает), *головокружение* (голова кружится), *слюноотделение* (слюна отделяется), *кровообращение* (кровь обращается), *кровоизлияние* (кровь изливается), *светорассеяние* (свет рассеивается), *солнцестояние* (солнце стоит), *градобитие* (град бьет) и т. п.

1.1.2. S-Adresat. Сложных слов, первый (субстантивный) компонент которых указывает на адресата действия, немного: *богомольный* (молиться Богу), *богомолка* (молиться Богу), *богослужение* (служить Богу).

1.1.3. S-Obj (прямой объект). Сложные слова, производные от словосочетаний глагола с существительным в функции прямого объекта, составляют большинство девербативов, причем именны основы всегда занимают первую позицию: *землемер* (мерить землю), *водопой* (пить воду), *водосвятие* (святить воду), *зубочистка* (чистить зубы), *плотгон* (гнать плот), *китобой* (бить китов), *громоотвод* (отводить гром), *лесоповал* (валить лес), *водосброс* (сбрасывать воду), *судомойка* (мыть посуду), *брадобрей* (брить бороду), *короед* (есть кору), *свинопас* (пасти свиней), *конокрад* (красть коней), *пылесос* (сосать пыть), *пчеловод* (разводить пчёл), *животновод* (разводить животных), *водопровод* (проводить воду), *садовод* (разводить сад), *злодей* (делать зло), *сенокос* (косить сено), *мясоед* (есть мясо), *горемыка* (мыкать горе), *тяжеловоз* (возить тяжести), *телогрейка* (греть тело), *льномялка* (мять лён), *крохоборка* (собирать крохи), *орденоносец* (носить орден), *кровосос* (сосать кровь), *кожемяка* (мять кожу), *богородица* (родить Бога), *землевладелец* (владеть землей), *рабовладелец* (владеть рабами), *клятвопреступник* (преступать клятву), *женоненавистник* (ненавидеть женщин), *родоначальник* (начинать род), *богохульник* (хулить Бога), *страстотерпица*

лизуются не сочетаемостные свойства глагола, а осуществляется соединение (координация) главных членов предложения – подлежащего и сказуемого, выраженных определенными формами имени и глагола» (РГ 2: 25). Тем не менее такие предикативные конструкции могут служить основой словосложения.

(терпеть страсть), *дароносица* (носить дары), *квартиросъемщик* (снимать квартиру), *налогоплательщик* (платить налоги), *отцеубийца* (убить отца), *водохлёб* (хлебать воду), *лесоруб* (рубить лес), *светомаскировка* (маскировать свет), *шагомер* (мерить шаги), *каменотёс* (тесать камень), *сладкоежка* (есть сладкое) и т. п. В сложных словах этого типа производность второго члена от глагола не оставляет сомнения (во многих случаях этот член неупотребителен в качестве самостоятельной лексемы, ср. *-пой, -ед, -брей, -пас, -мер, -тёс* и т. д.), несмотря на возможность в некоторых случаях соотносить их со словосочетаниями существительного с реальным отглагольным существительным, ср. *отцеубийца* – *убить отца* и *убийца отца*, *водосброс* – *сбрасывать воду* и *сброс воды*, *льномялка* – *мять лён* и *мялка для льна*. Такие случаи составляют лишь малую часть, но и в них объектное значение субстантивной основы несомненно.

1.1.4. S-Obj Cosv (косвенный объект). В этом типе сложений глагольный компонент часто выступает не в своем непосредственном виде, а в виде своих производных с разным значением (абстрактного действия, деятеля, локуса и т. п.). Например, *водозащитный* (защищающий от воды), *водонепроницаемый* (непроницаемый для воды), *бензозаправка* (заправить бензином или заправка бензином), *зуботычина* (тыкать в зубы), *чревоугодник* (угождать чреву), *богоотступник* (отступить от Бога), *вероотступник* (отступить от веры), *бракосочетание* (сочетаться браком), *звукоподражание* (подражать звуку), *водоснабжение* (снабжать водой), *налогообложение* (облагать налогом), *родовспоможение* (помогать при родах), *бомбоубежище* (убежище от бомб), *пулестойкий* (стойкий против пуля), *мировоззрение* (воззрение на мир), *грехопадение* (впадать в грех).

В ряде случаев косвенный объект трудно отличить от прямого объекта, поскольку прямой объект также может выражаться не только формами Вин. падежа. Например, в слове *кровохарканье* первый компонент может пониматься и как косвенный объект (харкать кровью, с кровью), и как прямой (выхаркивать кровь); в случае *заводоуправление* в исходном словосочетании *управлять заводом* зависимый субстантив, несмотря на форму Твор. падежа, функционально является прямым объектом; *родовспоможение* может пониматься и как дериват словосочетания *помогать при родах*, и как дериват выражения *помогать родам*, и в этом случае он оказывается прямым объектом помощи. Для некоторых сложных слов не удается уверенно реконструировать исходное предикативное словосочетание, например, *духобор* (*бороться против св. духа?*), *злоупотребление* (*употребить во зло?*) и др.

1.1.5. S-Loc (локус). В некоторых сравнительно немногочисленных сложных словах субстантивный компонент обозначает место действия: *мореплаватель* (плавать по морю), *мореходец* (ходить по морю), *водолаз* (лазить в воду), *водоросли* (расти в воде), *домосед* (сидеть дома), *луноход*

(ходить по луне), *снегоход* (ходить по снегу), *стенопись* (писать на стене), *землепроходец* (проходить по земле), *домотканый* (вытканый дома), *небожитель* (жить на небе), *землероб* (работать на земле), *скалолазание* (лазть по скалам), *стенолаз* (лазть по стенам), *местопребывание*, *местонахождение*, *местоположение* (пребывать, находиться, лежать в некотором месте), *трубопровод* (проводить по трубам, в отличие от *газопровод* с прямым объектом), (червь) *пескожил* (жить в песке).

1.1.6. S-Temp (время). Единственным надёжным случаем такого рода можно считать сложное слово *весновспашка* (вспахивать весной). Близкое по значению прилагательное *весенне-посевной* образовано не от глагольного словосочетания *сеять весной*, а от его деривата *весенний посев* (поэтому первый компонент сложного слова оформлен как адъективная, а не субстантивная основа).

1.1.7. S-Instr (инструмент). Семантика орудия (инструмента) действия представлена в сложных словах: *глазомер* (мерить глазом), *рукопись* (писать рукой), *машинопись* (писать на машинке), *водолечение* (лечить водой), *паровоз* (везти с помощью пара), *пароход* (идти с помощью пара), *тепловоз* (везти или идти, используя энергию тепла), *челобитная* (бить челом), *шапкозакидательство* (закидать шапками), *газорезка* (резать газом), *парооттайка* (оттаивать паром), *ситовейка* (веять ситом), *золотошвейка* (шить золотом), *радиоперекличка* (перекликаться по радио), *очевидец* (видеть (своими) глазами), *рукодельница* (делать руками), *пескодувный* (дуть песком), *электрострижка* (стричь электричеством), *газосварка* (варить металл с помощью газа), *губошлёп* (шлёпать губами), *рукоятка* (брать рукой) и т.п.

1.1.8. S-Result (результат или продукт действия). Этот актанта предиката отличается от прямого объекта тем, что указывает не на предмет, подвергающийся действию, а на предмет, получающийся в результате действия, т. е. на продукт действия: *дырокол* (пробивать, прокалывать бумагу с целью получения дырок), *маслобойка* (сбивать масло), *сыроварня* (варить сыр), *стеклодув* (выдувать стекло). Ни дыры, ни масло, ни сыр, ни стекло не являются объектами, над которыми производятся соответствующие действия: колют не дыры, а бумагу; сбивают не масло, а молоко или сливки; варят не сыр, а кислое молоко; дуют не стекло, а воздух.

1.2. Adv+V (способ действия). Семантика способа действия в отглагольных дериватах может быть выражена прежде всего наречием: *быстрописец* (быстро писать), *скороospelка* (скоро спеть), *скорострелка* (скоро стрелять), *скоротечный* (скоро течь), *скороварка* (скоро варить), *скороговорка* (скоро говорить), *скороход* (скоро ходить), *легкоплавкий* (легко плавиться), *легкодостижимый* (легко достичь), *легковерие* (легко верить), *легкоосязаемый* (легко ощутить), *сильнодействующий* (сильно действовать), *прямохождение* (прямо ходить), *скрытноед* (скрытно есть), *дармоед* (есть даром), *мелкорубленый* (мелко рубить), *мелкокрошенный* (мелко крошить), *быстродействие*

(быстро действовать), *быстрорастворимый* (быстро растворяться), *быстротечный* (быстро течь), *быстроходный* (быстро ходить), *слабослышащий* (слабо слышать), *слаборазвитый* (слабо развиваться), *трудновыполнимый* (трудно выполнить), *труднопроходимый* (трудно проходить), *трудноустраняемый* (трудно устранить), *инакомыслящий* (по-иному, иначе мыслить), *тихоход* (тихо ходить), *пустолайка* (лаять попусту, впустую), *пустомеля* (молоть попусту), *пустозвон* (звонить попусту), *тугодум* (туго думать), *тонкопряд* (прясть тонко), *тайнопись* (тайно писать), *вездеход* (ходить везде), *верхогляд* (глядеть поверху), *суеверие* (верить всуе), *пешеход* (ходить пешком), *смертоубийство* (убить насмерть)⁴, *ясновидец* (ясно видеть), *долгожитель* (жить долго), *чистописание* (чисто писать) и т.п. См. также 4.3. и 4.4.

Особую группу составляют отглагольные сложения с первым элементом *ново-* и *свеже-* со значением времени, которые отступают от основного значения соответствующих прилагательных: *новосёл* означает не 'вновь поселившийся', а 'только что, недавно поселившийся'; *новонайденный* – не 'вновь найденный', а 'найденный недавно'; *новострой* – 'построенный недавно' (ср. *старожил* 'живущий давно'); *новоприобретенный* 'приобретенный только что'; *новорожденный* 'только что родившийся'; *свежевыбранный* – 'выбранный только что', *свежевспаханный* – 'вспаханный недавно', *свежевыкрашенный* – 'выкрашенный недавно'; *свежеиспеченный* – 'испеченный только что', *свеженадоенный* – 'только что надоенный' и т. д.

Как и в других категориях, здесь возможны не вполне ясные или спорные случаи, например, *свежезамороженный* может пониматься как 'замороженный недавно', и тогда он попадает в тип Adv+V, а может пониматься как 'замороженный свежим, в свежем виде' и тогда это другой тип (A+V).

1.3. A+V. К предыдущему типу близки сложения, в которых глагольной основе предшествует адъективная основа, которая, однако, репрезентирует не адъективную, а предикативную функцию прилагательного (т. е. не семантику 'какой', а семантику 'быть каким'). Так, *мертворожденный* следует понимать как дериват от *родиться мёртвым*, *сырокопченый* – от *коптить сырым* (в сыром виде), *живородка* – от *родить живым*, *сыроежка* – от *есть сырым* (в сыром виде), *сыромятный* – от *мять сырым* (в сыром виде), *круговерть* – от *вертеться кругом* (по кругу) и т. п.

1.4. Pron+V. Среди сложений этого типа наиболее многочисленны образования с местоимением *сам*, в которых выделяются два основных класса: 1) сложения с субъектной семантикой местоимения: *самовар* (сам варит), *самокат* (сам катится), *самолёт* (сам летит), *самосвал* (сам

⁴ Сложение *смертоубийство* может пониматься и как универбизация словосочетания *смертное убийство*, ср. у Пушкина: «[Пугачёв] уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства» («Капитанская дочка»).

сваливает), *самописец* (сам пишет), *самозарождение* (сам зарождается), *самозахват* (сам захватывает), *самовоспламенение* (сам воспламеняется), *самолечение* (сам лечится), *самodelка* (сам делает), *самодвижущийся* (сам движется), *самовыключение* (сам выключается), *самоорганизация* (сам организуется), *самоуправление* (сам управляет), *самоучитель* (сам учит), *самосей* (сам сеется), *самоплавкий* (сам плавится) и т. п.; 2) сложения с объектной семантикой местоимения: *самолюбие* (любить себя, ср. *себялюбие*), *самозабвение* (забыть себя), *самочувствие* (чувствовать себя), *самооценка* (оценивать себя), *самопознание* (познавать себя), *самохвальство* (хвалить себя), *самоотдача* (отдать себя), *самозащита* (защищать себя), *самооправдание* (оправдывать себя), *самовыражение* (выражать себя), *самоуважение* (уважать себя) и т. п. Во многих случаях субъектное и объектное значение местоимения совмещаются, и тогда *само-* означает и 'сам' и 'себя', т.е. 'сам себя', ср. *самоистязание* (истязать самого себя), *самообман* (обманывать самого себя), *самоубийство* (убить самого себя), *самолечение* (лечить самого себя) и т. п.

В отглагольных сложениях с местоимением *весь* выражается семантика прямого объекта действия (при предикативной основе в качестве второго члена): *всевидящий* (видеть всё), *всезнающий* (знать всё), *всепобеждающий* (побеждать всё или всех), *вселюбящий* (любить всё или всех), *всеемлющий* (обнимать всё), *всепоглощающий* (поглощать всё), *всепожирающий* (пожирать всё), *всеедный* (есть всё) и т. д.

1.5. V+V. Единичны сложные слова, в которых сочетаются две предикативные основы: *вертолёт* < вертеть(ся)+лететь, *любовознательный* < любить+знать, *тягомотина* (возм., от *тянуть* и *мотать*).

2. Сложные слова, производные от субстантивных словосочетаний (управляющий член – существительное)

Среди словосочетаний с опорным существительным, служащих производящими для сложных слов, выделяется несколько продуктивных типов, различающихся характером первого члена сложения – адъективной, глагольной или субстантивной основой (A+S, V+S, S+S), часть которых происходит из словосочетаний подчинительного типа, а часть из сочинительных конструкций, не признаваемых словосочетаниями.

2.1. A+S. Этот тип отличается высокой продуктивностью, поэтому он включает большое число вторичных, производных субстантивных основ, которые легко вступают в сочетание с адъективными основами любого типа (в том числе также производными разного рода и разной степени), нередко выступающими в сильно усеченном виде, особенно когда это прилагательные

иностранного или комбинированного типа, например, электрический > электро- (*электролитка*), энергетический > энерго- (*энергосистема*), социальный > соц- (*соцзащита, соцсети*), биологический > био- (*биополе*), телевизионный > теле- (*телевышка*) и т. п. Синтаксические отношения между компонентами таких словосочетаний основаны на согласовательной связи, однако при словосложении и редукции адъективной основы эта связь, естественно, утрачивается. Приведем для иллюстрации примеры: *белоголовка* (белая голова), *чернорубашечник* (черная рубашка), *красногрудка* (красная грудь), *чужестранка* (чужая страна), *плоскодонка* (плоское дно), *слабоумие* (слабый ум), *толстосум* (толстая сума), *косогор* (косая гора), *сухогруз* (сухой груз), *долгонос* (долгий нос), *чистотел* (чистое тело), *желторотик* (желтый рот), *частокол* (частые колья), *чернослив* (черная слива), *чернозём* (чёрная земля), *гололёд* (голый лед), *косоворотка* (косой ворот), *краснодеревщик* (красное дерево), *низкокачественный* (низкое качество), *кисломолочный* (кислое молоко), *костно-мозговой* (костный мозг), *разносторонний* (разные стороны), *старомосковский* (старая Москва), *крупнозернистый* (крупное зерно), *черноглазый* (черные глаза), *южнославянский* (южные славяне), *разнообразный* (разные образы), *прошлогодний* (прошлый год), *иногородний* (иной город), *миловидный* (милый вид), *широкоплечий* (широкие плечи), *радиовышка* (вышка для радио), *VELOПОКРЫШКА* (покрышка для велосипеда), *косолапый* (косые лапы), *мокропогодица* (мокрая погода), *великомученик* (великий мученик), *пустынножитель* (пустынный житель), *перворазрядник* (первый разряд), *горнолыжник* (горные лыжи), *острослов* (острое слово), *пустослов* (пустые слова), *празднословие* (праздные слова) и т. п.

Разумеется, здесь (и может быть, особенно здесь), благодаря продуктивности таких сложений, обнаруживается немало трудных для интерпретации и переходных случаев с затемненной или непрямой семантической связью. Например, *белоснежный* может пониматься как прямой дериват словосочетания *белый снег*, а может связываться со сравнительной конструкцией *белый как снег* (ср. безусловно сравнительную семантику в *снежно-белый*); *старообразный* можно возводить к *старый образ* (вид), а можно понимать как 'подобный старому, старику'.

К этой модели примыкают сложения с субстантивными основами, которым предшествует местоимение-прилагательное *весь*: *всемирный* (весь мир), *вседневный* (весь день или все дни), *всенародный* (весь народ), *всенощная* (вся ночь), *всесезонный* (все сезоны), *всесоюзный* (весь союз), *всесловный* (все сословия), *всесторонний* (все стороны)⁵.

2.2. V+S. Сложения этого типа непродуктивны и малочисленны; их первый член может быть представлен редуцированной глагольной основой

⁵ По существу, здесь представлены две разные семантические модели, восходящие к словосочетаниям с *весь* в ед. числе и во множ. числе: *всемирный* (весь мир), но *всесторонний* (все стороны).

или полной формой императива: а) с соединительной гласной того же типа, что и в именных сложениях: *скалозуб* (скалить зубы), *лизоблюд* (лизать блюдо), *лежебока* (лежать на боку), *лупоглазый* ((вы)лупить глаза), *пучеглазый* ((вы)пучить глаза), *трясогузка* (трясти гузом), *вертопрах* (от *вертеть* и *прах* (Аникин 6: 340)); б) с неизменяемой формой императива: *сорвиголова* (< сорвать), *перекати-поле* (< перекатить), *гуляй-город* (< гулять), *держиморда* (< держать), *вертиголова*, *вертихвостка*, *вертишейка* (все < вертеть), *скопидом* (< скопить), *горихвостка* (< гореть), *болиголов* (< болеть)⁶. Однако этот тип сложений был очень продуктивен в древнеславянских и древнерусских личных именах: *Будиславъ*, *Воротиславъ*, *Видимиръ*, *Владимиръ*, *Ладимиръ*, *Держиславъ*, *Мстиславъ*, *Молибогъ*, *Родиславъ*, *Ростиславъ*, *Спасимиръ*, *Судимиръ*, *Хотимиръ* и т. п. (Роспнд 1965; Тупиков 2005; Васильев 2005).

2.3. S+S. Сложения двух субстантивов могут быть основаны на разных синтаксических и семантических моделях.

2.3.1. Сложения по типу конъюнкции. К этому типу относятся сложные (часто сложносокращенные) слова, восходящие к сочинительным конструкциям – бессоюзным или с союзом *и*, а также объединительным конструкциям с предлогом *с* (все они не признаются словосочетаниями): *лесостепь* (лес и степь), *лесотундра* (лес и тундра); *хлебосол* (хлеб-соль, хлеб и соль или хлеб с солью), *мясо-молочный* (мясо и молоко), *ритмомелодика* (ритм и мелодика), *геофизика* (география и физика), *биофизика* (биология и физика), *астрофизика* (астрономия и физика), *металлокерамика* (металл и керамика), *силлаботоника* (силлабика и тоника), *киркомотыга* (кирка и мотыга), *тернослива* (терн и слива), *велоколяска* (велосипед и коляска), *тазобедренный* (таз и бедро), *цветомузыка* (цвет и музыка), *рабочекрестьянский* (рабочие и крестьяне), *научно-технический* (наука и техника), *плодово-ягодный* (плоды и ягоды), *денежно-вещевой* (деньги и вещи), *осенне-зимний* (осень и зима)⁷. Продуктивность таких сочинительных конструкций в качестве источника словосложений свидетельствует об их определенном синтаксическом статусе и, может быть, указывает на возможность признать их особыми сочинительными словосочетаниями.

2.3.2. Сложения на функциональной основе: *лесопарк* (лес как место для прогулок), *плащ-палатка* (плащ, используемый как палатка), *автолавка*

⁶ К этому типу не относится внешне похожее на отглагольные дериваты сложение *разлюли-малина*, представляющее собой сложение наречия *разлюли* (СРНГ 34: 8) и сущ. *малина*.

⁷ В сложениях этого типа нередко адъективное оформление основы получает не только второй член производного, но и первый: *губно-зубной* (губы и зубы), *нёбно-зубной* (нёбо и зубы), *земноводные* (земля и вода), ср. *землемер* без адъективного суффикса *-н-*; *зимне-зелёный* (зимой зелёный), ср. *зимостойкий* (к зиме стойкий) без суффикса *-н-*; *плодово-ягодный* и *плодо-ягодный* (оба от плоды и ягоды) и т. п.

(автомобиль, используемый для торговли), *вагон-ресторан* (вагон, служащий рестораном).

2.3.3. Сложения с семантикой промежутка: *северо-запад* (между севером и западом), *носоглотка* (между носом и глоткой) и т.п.

2.3.4. Сложения на основе уподобления – а) прямые сложения без соединительной гласной с несклоняемым первым компонентом: *ёж-рыба*, *пила-рыба*, *молот-рыба*, *меч-рыба*, *луна-рыба*, *ремень-рыба*, *плакун-трава* (как бы плачущая), *сон-трава*⁸; б) сложения с соединительной гласной: *серпокрылка* (крылья как серп), *носорог* (нос в виде рога), *утконос* (нос, как у утки), *змеерыбка* (рыба как змея), *козлогий* (козлиные ноги), *ножеклюв*, *рогоклюв*, *серпоклюв* (клювы, подобные ножу, рогу, серпу). К сложениям последней группы семантически близки прилагательные продуктивного типа на *-видный*, *образный*, в которых вторые члены сложения, восходящие к существительным *вид*, *образ*, по существу превратились в суффиксоиды: *змеевидный* (имеющий вид змеи, в виде змеи), *спиралевидный* (имеющий вид спирали, в виде спирали), *нитевидный* (имеющий вид нити), *яйцевидный* (имеющий вид яйца), *кистевидный* (имеющий вид кисти), *сердцевидный* (имеющий вид сердца) и т. п.; *червеобразный* (имеющий образ, вид червя), *кольцеобразный* (имеющий образ, вид кольца), *копьеобразный* (имеющий образ, вид копья), *чашеобразный* (имеющий образ, вид чаши) и т. п. Тем не менее они по своей структуре и семантике принадлежат к типу S+S.

2.3.5. Сложения на основе атрибуции в широком смысле, восходящие к словосочетаниям с подчинительной связью: *томат-паста* (паста из томатов или томатная паста), *шеф-повар* (главный повар), *водоканал* (водный канал), *лесополоса* (лесная полоса или полоса леса), *словоформа* (форма слова), *птицефабрика* (фабрика птиц), *свиноферма* (ферма свиней), *корнеплод* (плод, представляющий собой корень), *звукорежиссер* (режиссер по звуку), *цветоножка* (ножка цветка), *лжекувшинка* (ложная кувшинка), *лжеприсяга* (ложная присяга), *яхт-клуб* (клуб яхтсменов), *нефтескважина* (скважина нефти или нефтяная скважина), *рок-группа* (группа, исполняющая рок-музыку), *киноактриса* (актриса кино), *бензопила* (пила, работающая на бензине), *квартплата* (плата за квартиру или квартирная плата), *боеготовность* (готовность к бою) и т. п. Этот тип продуктивен и чрезвычайно многообразен и в словообразовательном, и в семантическом отношении; здесь он представлен в весьма сжатом виде, при этом некоторые сложения допускают разную атрибуцию к исходным словосочетаниям.

2.3.6. Единичные сложения с неизменяемым оценочным эпитетом: *жарптица*, *царь-колокол*, *царь-пушка*, *пай-девочка* и др.

⁸ Это слово семантически отлично от остальных, поскольку в нем первый член обозначает не то, с чем сравнивается трава, а обычай использования этой травы в качестве снотворного средства.

3. Сложные слова, производные от адъективных словосочетаний (управляющий член – прилагательное)

3.1. S+A. Сложения существительных с прилагательными.

3.1.1. Сложения, возникающие из словосочетаний прилагательного с несогласованным управляемым существительным, немногочисленны и ограничены в своем втором компоненте (*прочный, способный, стойкий, устойчивый*), но при этом продуктивны, т. е. способны сочетаться с новыми существительными в качестве первого члена: *жаропрочный* (прочный, устойчив к жару), *водопрочный* (прочный к воде), *платежеспособный* (способный к платежам), *жизнеспособный* (способный к жизни), *трудо-способный* (способный к труду), *кредитоспособный* (способный обслуживать кредит), *работоспособный* (способный к работе), *оборонеспособный* (способный к обороне), *морозостойкий* (стойкий к морозу), *влагостойкий* (устойчивый к влаге), *холодостойкий* (устойчивый к холоду), *водоустойчивый* (устойчивый к воде), *засухоустойчивый* (устойчивый к засухе), *помехоустойчивый* (устойчивый к помехам), и т.п. Сюда же, видимо, относится и *лихорадка* (рад лиху) (Фасмер 2: 505) и *злорадный* (рад злу).

К ним блики сложения с прилагательным *подобный / подобен*: *змееподобный* (подобен змее), *громоподобный* (подобен грому), *женоподобный* (подобен женщине) и т. п.

3.1.2. Сложения на основе сравнения: *угольно-черный* (черный как уголь), *снежно-белый* (белый как снег)⁹, *пепельно-серый* (серый как пепел), *небесно-голубой* (голубой как небо) и т. п.¹⁰

3.2. A+A. Сложные слова, объединяющие основы двух (и более) прилагательных, по своей синтаксической и семантической структуре распадаются на несколько типов.

3.2.1. Сложения на основе сочинительной связи с семантикой конъюнкции: *черно-белый* (черный и белый), *бело-сине-красный* (флаг), *кисло-сладкий* (кислый и сладкий), *глухонемой* (глухой и немой), *голодралец* (голый и драный), *осенне-зимний* (осенний и зимний).

3.2.2. Сложения на основе подчинительной связи, в которых первый член характеризует не определяемое существительное, а второе прилагательное: *бледно-розовый* – это не бледный и розовый, а розовый слабого оттенка (т. е. эти два прилагательных не являются соподчиненными определяемому

⁹ С тем же значением и той же семантической структурой известно и даже более употребительно прилагательное *белоснежный* с обратным порядком основ. Такие обратимые пары не редкость среди сложных слов, ср. *лизоблюд* и *блюдолиз* (лизать блюдо), *скалозуб* и *зубоскал* (скалить зубы).

¹⁰ Во всех приведенных примерах первый член сложения оформлен как адъективная основа. См. сноску 6.

существительному; ср. понятие иерархического соподчинения в работе (Иорданская 2000: 379 и далее)); то же самое *ярко-красный* (не яркий и красный, а яркий красный), *светло-зеленый*, *тёмно-красный* и т. п.

3.2.3. Семантика степени (*весь* выступает в наречной функции в сочетаниях с адъективными основами, часто с основами превосходной степени): *всемиловитивый*, *всевышний*, *всесовершенный*, *всеусердный*, *всечестнейший*, ср. также наречия *всенижайшее*, *всеконечно*, *всепокорнейше*). Слово *всеобщий* может пониматься двояко – в наречном и в объектном значении, т. е. как ‘общий в высокой степени’ или как ‘общий для всех’.

4. Сложения с числительными и счетными словами (управляющий член – числительное)

4.0. Если предыдущие типы сложений были выделены по характеру второго, главного, «опорного» члена сложения, то здесь рассматриваются сложные слова, объединяемые статусом первого члена. Это объясняется морфологической, словообразовательной и синтаксической спецификой числительных и счетных слов. Вообще говоря, сложения этого типа заслуживают отдельного специального рассмотрения; здесь по необходимости они будут представлены в кратком и обобщенном виде, оставляющем без внимания некоторые важные словообразовательные особенности.

К этому типу принадлежат сложения, первым членом которых служит количественное числительное (порядковые числительные трактуются как прилагательные) и такие количественные слова, которые, как и числительные, управляют существительными в Род. п. (*мало*, *много*, *двое*, *оба*, *половина*), а также образованные от числительных наречия типа *дважды*, *вдвое*, *вдвойне* и т. п.

Числительное *один* здесь рассматриваться не должно, поскольку в сложениях оно выступает как прилагательное (или субстантивированное прилагательное), ср. *однолюб* с объектным значением числительного при предикате (любить одного или одну), *однодневный* с определительным значением в отсубстантивном сложении (один день > однодневный).

4.1. Числительные *два*, *три* и *четыре* представлены почти исключительно в отсубстантивных сложениях (Num+S) в нескольких вариантах, восходящих к разным словам или конструкциям. Так, с числительным *два*, *две* соотносятся в сложных словах следующие формы: 1) *дву-* (< *два*): *двубортный* (два борта), *двугорбый* (два горба), *двудольный* (две доли), *двузначный* (два значения), *двуколка* (два колеса), *двуликий* (два лика), *двупалый* (два пальца), *двуполый* (два пола), *двусложный* (два слога) и т. п.; 2) *двух-* (< *о двух* или *с двумя*): *двухголовый* (о двух головах), *двухбашенный*

(о двух башнях), *двухколесный* (с двумя колесами), *двухкомнатный* (с двумя комнатами), *двухлитровый* (с двумя литрами); 3) и *двое-* (< двойной): *двоеборье* (двойная борьба), *двоеверие* (двойная вера), *двоебрачие* (двойной брак), *двоевластие* (двойная власть), *двоемыслие* (двойная мысль) и т. п. Эти исконно разные формы впоследствии смешались, отсюда нередкие параллельные образования типа *двуголовый* и *двухголовый*, *двоедушие* и *двудушник*, *двухмерный* и *двумерный* и т.п. Такие сложения могут иногда репрезентировать другой тип, например, в слове *двоеженец* первый член должен соотноситься не с самим числительным *два*, а с наречием *дважды* (дважды женатый, буквально вдвойне женатый).

То же самое можно сказать о числительном *три*, которое в сложных словах имеет формы *тре-*, *трёх-* и *трое-*: 1) *трегубый*, *треногий*, *треугольный*, *трехвостка*; 2) *трёхаришинный*, *трёхбашенный*, *Трёхгорка*, *трёхдневный*, *трёхлетний*, *трёхмерный*, *трёхтомный*, *трёхцветный* и т.п.; 3) *троеборье*, *троебрачие*, *троекратный*, *троеперстие*, *троеручица*. Здесь также нередки параллельные образования: *треногий* и *трёхногий*, *трезубец* и *трёхзубый*, *троекратный* и *трёхкратный*.

Дериваты с первым членом *четыре* представлены в двух вариантах – 1) *четырёх-*: *четырёхактный*, *четырёхведёрный*, *четырёхгодовалый*, *четырёхзначный*, *четырёхканальный*, *четырёхлитровый*, *четырёхугольный*, *четырёхъярусный* и т. п. и (реже); 2) *четверо-*: *четвероевангелие*, *четвероногий*, *четверостишие*, *четвероюродный*, *четверокурник*; второй тип довольно редок и может смешиваться с более продуктивным первым, ср. *четверодневный* и *четырёхдневный*, *четвероглавый* и *четырёхглавый*.

Числительные *пять* и далее не имеют вариантов в сложениях и сочетаются исключительно с субстантивными основами: *пятиалтынный*, *пятиаришинный*, *пятиведёрный*, *пятигодовалый*, *пятигранник*, *пятикратный*, *пятистенка*, *пятитомный*, *пятистенный* и т. п.

4.2. Числительное *пол* выступает в сложениях либо в своем исходном виде со значением ‘половина’ при словоформе Род. п. существительного (*полмира*, *полночи*, *полсекунды*, *полпирога*), либо в форме *полу-* в сочетании с разными основами (*полузащита*, *полумера*, *полукруг*, *полузабытьё*, *полузаброшенный*, *полудремота*, *полукочевой*, *полузрелый*, *полукруглый*, *полуминутный*, *полумёртвый* и т. п.). При этом сложения с *полу-* могут быть 1) дериватами от имен с *пол-*: *полкруга* – *полкружлый*, *полметра* – *полуметровый*, *полминуты* – *полуминутный* и т. д., 2) обстоятельственными актантами при предикативных основах и иметь значение ‘наполовину, вполовину’: *полумёртвый* ‘мертвый наполовину’, *полузаброшенный* ‘заброшенный наполовину’, *полукочевой* ‘кочующий наполовину’, *полукрытый* ‘крытый наполовину’ и т. д., *полупрозрачный* ‘прозрачный наполовину’. Для таких слов, как *полшубок*, *полшалок* возможны двойные трактовки – по первому или по второму типу: 1) от не существующих реально произ-

водящих **полишубы*, **полишали* или как 2) ‘шуба наполовину’, ‘шаль наполовину’. Особый тип составляют слова *полдень*, *полночь*, в которых *пол-* сочетается не с Род. п., а с Им. п. существительного.

Числительное *полтора*, *полторы* в сложных словах имеет форму *полтора-* и сочетается с субстантивными основами: *полторавековой*, *полторакилометровый*, *полторамесячный*, *полторамилионный* и др. (соответственно от *полтора века*, *полтора километра* и т. д.).

4.3. Сложные слова с начальным *мало-* (всего около 350, согласно РОС) принадлежат к двум типам в зависимости от того, является ли этот начальный член количественным наречием или редуцированной основой прилагательного *малый*. Они могут соотноситься с отсубстантивными словосочетаниями – 1) с наречно-предикативной семантикой: *малоароматный* (мало аромата), *малолюдный* (мало людей), *малолетний* (мало лет), *маломестный* (мало мест), *малоплодный* (мало плодов), *малоречивый* (мало речей), *малокровный* (мало крови), *маложирный* (мало жира), *малоквартирный* (мало квартир) и т. п. и 2) с адъективной семантикой: *малодоходный* (малый доход), *малобюджетный* (малый бюджет), *малогабаритный* (малые габариты), *малоразмерный* (малый размер), *малообъемный* (малый объем), *малометражный* (малый метраж), *малоголовый* (малая голова), *маломощный* (малая мощь), *малоазиатский* (Малая Азия) и т. п., при этом второй компонент сложения либо вообще неупотребителен в качестве самостоятельного слова (*-размерный*, *-головый*, *-метражный*), либо употребителен в другом значении (*габаритный*, *азиатский*, *бюджетный*). Некоторые сложения допускают двоякое толкование: *малосильный* (< мало сил или малая сила), *малоопытный* (< мало опыта или малый опыт), *малоотходный* (< мало отходов или малые отходы), *маловетренный* (< мало ветра или малый, т.е. слабый ветер) и т. п.

Еще одна модель сложных слов этого типа – сложение *мало-* в наречном значении с прилагательными: *маловероятный*, *малоактуальный*, *малограмотный*, *малозначительный*, *малонадёжный*, *малопопулярный*, *малоспособный*, *малореальный* и т. п.

В отглагольных сложениях эти слова выступают в функции обстоятельства (наречия): *малозатратный* (затратить мало), *малодойный* (доить мало), *малоповоротливый* (мало поворачиваться), *маловлиятельный* (мало влиять), *малозначительный* (мало значить), *малоощутимый* (мало ощущать), *малообеспеченный* (мало обеспечить), *малоношенный* (мало носить), *малопосещаемый* (мало посещать), *малобудительный* (мало убедить) и т. д. Некоторые из них одновременно соотносятся с вторичными по отношению к глагольным субстантивными или адъективными словосочетаниями: *малозатратный* (малые затраты), *малосъедобный* (съедобный в малой степени). Т.е. они фактически относятся к типу Adv+V.

4.4. Сложения с начальным *много-* (числом также примерно 350) соотносятся преимущественно с субстантивными словосочетаниями (Num+S): *многоактный* (много актов), *многоаспектный* (много аспектов), *многобожие* (много богов), *многобрачный* (много браков), *многовагонный* (много вагонов), *многовалентный* (много валентностей), *многоборье* (много видов борьбы), *многовариантный* (много вариантов), *многовековой* (много веков), *многовёрстый* (много вёрст), *многоглавый* (много голов), *многогранный* (много граней), *многодетный* (много детей), *многоземельный* (много земель), *многоплодный* (много плодов), *многоканальный* (много каналов), *многоклеточный* (много клеток), *многокрасочный* (много красок), *многоместный* (много мест), *многопудовый* (много пудов), *многорядный* (много рядов), *многословный* (много слов), *многосторонний* (много сторон), *многочленный* (много членов) и т. п.

Сравнительно слабо представлены сложения других типов с начальным *много-*, в частности с предикативными вторыми элементами и наречной или объектной семантикой первого члена ('много' и 'многое'): *многоговорение* (много говорить), *многознайство* (многое знать), *многообещающий* (многое обещать), *многообъемлющий* (многое обнимать), *многообязывающий* (обязывать ко многому), однако *многохоженный* выражает только наречную семантику (ходить много). В некоторых сложениях *много-* имеет значение степени: *многомудрый* 'очень мудрый', *многоучёный* 'очень учёный', *многоценный* 'очень ценный' (Num+A), а также значение большого размера (Num+S): *многосемейный* производно не от *много семей*, а от *большая семья* (многочисленная семья); *многотиражный* – не от *много тиражей*, а от 'большой тираж' (множественный или многочисленный тираж); *многочисленный* соотносится не с *много чисел*, а с *большое число* (так сказать, 'большой числом' или 'многий числом').

5. Заключение

В статье предложен весьма сжатый и схематичный обзор основных синтактико-семантических типов сложных слов (непосредственных результатов словосложения), которые реконструируются из большого числа композитов, относящихся к разным частям речи и разным словообразовательным моделям. Каждый из них, конечно, требует специального обстоятельного изучения. Мне важно было показать, что синтаксические и семантические отношения между компонентами, характерные для производящих словосочетаний, сохраняют свое значение и в структуре производных сложных слов, к каким бы моделям деривации (семантическим и словообразовательным) они ни относились. Более того – они сохраняют

свое значение и во вторичных дериватах, т. е. в сложных словах второй, третьей и т. д. степени производности. Однотипные по своей словообразовательной структуре сложные слова могут иметь совершенно разную семантику в зависимости от тех синтаксических и семантических отношений, которые связывают компоненты исходных словосочетаний. Например, слова *солнцезащитный* ‘защищающий от солнца’ и *почвозащитный* ‘защищающий почву’ при одинаковой словообразовательной структуре (имя + отглагольное сущ.) имеют совершенно разные значения, поскольку в исходных словосочетаниях представлены разные синтактико-семантические модели: *защищать от солнца* (предикат и его косвенный объект) и *защищать почву* (предикат и его прямой объект).

Очевидно, во многих случаях конкретные примеры можно было бы истолковать как-то иначе. Сложное слово в принципе может иметь более чем один источник среди словосочетаний. На это обращал внимание уже Срезневский: «Нередко трудно угадать, что именно выражает слово: слово *ветрогон* могло произойти из выражений: *знать по ветру*, *знать ветер* и *знать ветром*; *ратиборец* могло произойти из выражений: *бороть рать*, *бороться ратью*, *бороться с ратью*; *злодей* может означать и того, кто делает зло, и того, кто делает злобно, со злостью и т. п.» (Срезневский 1873: 8 отд. оттиска). В таких случаях источник реального словосложения должен определяться исходя из семантических и словообразовательных моделей, характерных для каждого компонента сложения. Если речь идет о слове *ветрогон*, то поскольку другие слова со вторым компонентом *-гон* (*медогон*, *макогон*, *смологон*, *слюногон*, *лисогон*, *скотогон*, *плотогон*, *чертогон*, *глистогон*) показывают объектную семантику первого компонента, можно предположить, что и в слове *ветрогон* первый компонент скорее имеет значение объекта действия *знать*, и следовательно источником этого сложения будет не *знать по ветру* с локативной семантикой первого члена и не *знать ветром* с инструментальной семантикой, а именно *знать ветер*. В случае слова *ратиборец* по тем же соображениям можно предполагать в качестве исходных словосочетания с объектным значением первого компонента (*бороть рать* или *бороться с ратью*), ср. *богоборец*, *иконоборец*, *тиранборец*), а не *бороться ратью* с орудийной семантикой. То же объектное значение первого компонента в сложениях на *-дей* (*чудодей*, *лиходей*, *прелюбодей*) заставляет предпочесть для *злодей* модель с объектным значением первого члена сложения: ‘делать зло’.

Таким образом, сложные слова как реальные лексические единицы языка и словосложение как динамический процесс имеют двоякую ориентированность – на синтаксис и на словообразование. Объектом словосложения являются словосочетания как составные синтактико-семантические конструкции, но сама деривация, т.е. образование сложных слов осуществляется в языке по тем же правилам, что и деривация простых (не сложных) слов,

и с теми же формальными приемами, что и словообразование в целом, т.е. с помощью аффиксации и преобразования компонентов сложных слов (усечения, интерфиксации, акцентных сдвигов и т.п.). В данной статье речь шла о «внутреннем» синтаксисе сложных слов и их «внутренней» семантике, которая наследует синтаксис и семантику исходных словосочетаний и не зависит от их «внешнего» синтаксиса и «внешней» семантики (т.е. лексического значения композита), так же как и от его словообразовательного оформления.

Литература и сокращения

- Аникин А.Е., 2007–, *Русский этимологический словарь*, вып. 1–13–, Москва.
- Бенвенист Э., 1974, *Синтаксические основы именного сложения* (1967), [в:] Бенвенист Э., *Общая лингвистики*, Москва: Прогресс.
- Васильев В.Л., 2005, *Архаическая топонимия Новгородской земли (древнеславянские деантропонимические образования)*, Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
- Виноградов В.В., 1975, *Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии*, [в:] Виноградов В.В., *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*, Москва: Наука, с. 166–220 (первое издание статьи 1952 г.).
- Григорьев В.П., 1956, *О границах между словосложением и аффиксацией*, «Вопросы языкознания», № 4, с. 38–52.
- ГС = Зализняк А.А., 2003, *Грамматический словарь русского языка*, изд. 4-е, Москва: Русские словари.
- Гудилова С.В., 2005, *Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке (на материале неологизмов второй половины XX века)*, автореферат дисс. ... канд. филол. наук, Москва.
- Журавлев А.Ф., 1982, *Технические возможности русского языка в области предметной номинации*, [в:] *Способы номинации в современном русском языке*, отв. ред. Д.Н. Шмелев, Москва: Наука, с. 45–109.
- Зализняк А.А., 2012, *Механизмы экспрессивности в языке*, [в:] *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука*, Москва: ЯСК, с. 650–671.
- Иорданская Л.Н., 2000, *Соподчинение прилагательных в русском языке (по следам Вендлера)*, [в:] *Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна*, ред. Л.Л. Йомдин, Л.П. Крысин, Москва: ЯСК, с. 379–390.
- Молошная Т.Н., 1973, *Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в славянских языках*, [в:] *Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков*, отв. ред. А.А. Зализняк, Москва: Наука, с. 87–104.
- РГ 1980 = *Русская грамматика*, т. 1. *Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*; т. 2: *Синтаксис*, Москва: Наука.
- РОС 2005 = *Русский орфографический словарь*, изд. 2, Москва.

- Роспонд С., 1965, *Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена)*, «Вопросы языкознания», № 3, с. 3–21.
- Санников В.З., 2008, *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*, Москва: ЯСК.
- Срезневский И.И., 1873, *Замечания об образовании слов из выражений*, «Сборник отделения русского языка и словесности», т. 10, с. LXVI–LXXXV.
- СРНГ 1965–, *Словарь русских народных говоров*, вып. 1–, Москва ; Ленинград.
- Тупиков И.М., 2005, *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Москва: ЯСК, (1-е изд. 1903).
- Фасмер М., 1964–1973, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, Москва.

References

- Anikin A.I.E., 2007–, *Russkii' étimologicheskii' slovar'*, вып. 1–13–, Moskva.
- Benveniste É., 1974, *Sintaksicheskie osnovy imennogo slozheniia* (1967), [in:] Benveniste É., *Obshchaia lingvistika*, Moskva: Progress.
- Grigor'ev V.P., 1956, *O granitsakh mezhdru slovoslozheniem i affiksatsiei*, „Voprosy iazykoznaniiia”, № 4, pp. 38–52.
- GS = Zalizniak A.A., 2003, *Grammaticheskii' slovar' russkogo iazyka*, izd. 4., Moskva: Russkie slovari.
- Gudilova S.V. 2005, *Produktivnye tipy obrazovaniia slozhnykh slov v sovremennom russkom iazyke (na materiale neologizmov vtoroi' poloviny XX veka)*, avtoreferat diss. ... kand. filol. Nauk, Moskva.
- Iordanskaia L.N., 2000, *Sopodchinenie prilagatel'nykh v russkom iazyke (po sledam Vendlera)*, [in:] *Slovo v tekste i slovare. Sb. Statei' k semidesiatiletiiu akad. I.U.D. Apresiana*, ed. L.L. Iomdin, L.P. Krysin, Moskva: IASK, pp. 379–390.
- Moloshnaia T.N., 1973, *Dvukhkomponentnye substantivnye obrazovaniia appozitivnogo tipa v slavianskikh iazykakh*, [in:] *Strukturno-tipologicheskie issledovaniia v oblasti grammatiki slavianskikh iazykov*, otv. red. A.A. Zalizniak, Moskva: Nauka, pp. 87–104.
- RG 1980 = *Russkaia grammatika*, t. 1: *Fonetika. Fonologiiia. Slovoobrazovanie. Morfologiiia*; t. 2: *Sintaksis*, Moskva: Nauka.
- ROS 2005 = *Russkii' orfograficheskii' slovar'*, izd. 2, Moskva.
- Rospond S., 1965, *Struktura i klassifikaciia drevnevostochnoslavianskikh antropomimov (imena)*, „Voprosy iazykoznaniiia”, № 3, pp. 3–21.
- Sannikov V.Z., 2008, *Russkii' iazyk v semantiko-pragmaticheskom prostranstve*, Moskva: IASK.
- Sreznevskii' I.I., 1873, *Zamechaniia ob obrazovaniu slov iz vyrazhenii*, „Sbornik otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti”, t. 10, pp. LXVI–LXXXV.
- SRNG 1965–, *Slovar' russkikh narodnykh govorov*, вып. 1–, Moskva ; Leningrad.
- Tupikov I.M., 2005, *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*, Moskva: IASK, (1. izd. 1903).
- Vasil'ev V.L., 2005, *Arkhaicheskaia toponimiiia novgorodskoi' zemli (drevneslavianskie deantropomimicheskie obrazovaniia)*, Velikii' Novgorod: Novgorodskii' gosudartvennyi universitet im. I.Aroslava Mudrogo.

- Vasmer M., 1964–1973, *Ėtimologičeskii slovar' russkogo*, vols. 1–4, Москва.
- Vinogradov V.V., 1975, *Slovoobrazovanie v ego otnošenii k grammatike i leksikologii*, [in:] Vinogradov V.V., *Izbrannye trudy. Issledovaniia po rusškoj grammatike*, Moskva: Nauka, pp. 166–200 (perвое izdanie stat'i 1952 g.).
- Zalizniak A.A., 2012, *Mekhanizmy ěkspressivnosti v iazyke*, [in:] *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvaiushchie siuzhety. Sb. statej v chest' 80-letia I.A. Mel'chuka*, Moskva: IASK.
- ZHuravlev A.F., 1982, *Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo iazyka v oblasti predmetnoj nominacii*, [in:] *Sposoby nominacii v sovremennom russkom iazyke*, otv. red. D.N. SHmelov, Moskva: Nauka, pp. 45–109.

Summary

Complex words and phrases: syntax and semantics

The author, following the concept of E. Benveniste, considers complex words as a product not only of word-formation derivation, but also of syntactic transformation (condensation) of phrases. The object of the transformation is phrases as composite syntactic and semantic constructions, but the derivation itself, i.e. the formation of complex words is carried out in the language according to the same rules as the derivation of simple (not complex) words, and with the same formal techniques as word formation in general, i.e. by affixation and transformation of components of complex words (truncation, interfixation, accent shifts, etc.). At the same time, the syntactic and semantic relations between components that are characteristic of generating phrases retain their meaning in the structure of derived complex words, no matter what models of derivation (semantic and word-forming) they may relate to. Complex words of the same type in their word-formation structure can have completely different semantics, depending on the syntactic and semantic relations that link the components of the original phrases.

The article offers a typology of complex words in the Russian language in terms of their "internal" syntactic and semantic structure. In composites derived from predicative phrases, there are subject, object, locative, temporal, and other semantic models of relations between a predicate and a dependent word. Composites with a supporting noun can be derived both from phrases with a compositional connection, and from phrases with a subordinate connection (with relations of functional, comparative, and attributive dependence in a broad sense). Similarly, composites with a reference adjective, numeral, and counting words are analyzed. The article contains a criticism of some provisions of the academic "Russian grammar" (1980).

Keywords: Complex words, phrases, word condensation, syntax, semantics, derivation, Russian language.